

Еще семь, даже пять лет назад такой заголовок показался бы искушенному слушателю просто нелепым. Концертное кредо Игоря Михайловича Жукова, пианиста и дирижера Московского камерного оркестра, было известно. Все программы — сольные, оркестровые, камерно-ансамблевые — непременно и прежде всего игрались в Москве.

Величайшим завоеванием любого артиста мне представляется не слава, а сердца. Верные сердца слушателей, покоренных его искусством. Не рекламной шумихой, не "раскруткой" всемирных СМИ, а именно самим искусством, щедрым и пылким трудом художника. Только так может артист расти, воспитывать, создавать свою публику. Если же он доверяется посредникам, то и результат может быть посредственным. Хотя других, не верных и верящих, а, например, праздного любопытствующих, мечтающих "отметиться", засветиться в тусовке, всегда много. И еще больше тех, кто полагает, что деньги решают все. Были бы деньги, а музыканты найдутся!

Игорь Жуков, один из немногих наших музыкантов, сохранил своего слушателя. Хотя теперь на родине он выступает редко. Гораздо чаще москвичей его слышат немцы, населяющие большие и малые города Германии. Берлин, Гамбург, Кельн, Ганновер, Мюнхен, Дюссельдорф — география нынешнего сезона. Плюс Бостон и Лондон. А в Москве Жуков играл всего два раза. Оба концерта — в Рахманиновском зале. Последняя встреча с ним состоялась 15 февраля.

...Обстоятельства помешали мне написать об октябрьском вечере. Но память сохранила ощущение праздника, необычного для нашего времени духовного единства слушателей, картины без шума заполненного зала с сидящими на подоконниках молодыми людьми и бесконечной очереди в крошечную артистическую после концерта. Не могу сказать, что воспринял тогда всю программу целиком, хотя, как всегда, Жуков тщательно выстроил ее. Первое отделение — Скрябин и Шопен, Сонаты № 2. Второе — они же, но представленные Третьими сонатами. Для меня же "хватило" одной b-moll'ной сонаты Шопена. Такого я не слышал никогда! Хотя, например, акцент на второй восьмушке главной партии первой части принадлежит композитору. Но почему-то никто не обращает на него внимания. А ведь он меняет все! Какое-то беспрестанное взнуздывание страсти, вечная схватка воли и сердца... се человек. На дыбы! Против метра, против судьбы...

...Казалось, все в зале разом втянули головы в плечи. От этого мертвенного шороха стало вдруг холодно и жутко. Чего только не делали с финалом иные пианисты! Старались взять то

Игорь Жуков играет в Москве

Рос. муз. газетой — 1998 — № 2 — с. 4

немыслимым темпом, то "выслушивали" гармонию или выуживали из нерасчлененного потока "мелодию"... У Жукова было шопеновское *presto sotto voce e legato* — и "ничего больше". Он просто взял и сыграл потусторонность. После перенасыщенного жизнью и звуком похоронного марша — пустота. Душа отлетела, мир опустел, звук померк, превратился в тень, в шорох, шелест, в сухие листья, влекомые неживым, но до костей пронизывающим вихрем. Как это делает Жуков, знает лишь он сам. Наверное, знает, ибо никогда не играет по наитию. Все, что Бог на душу положит, пианист не забывает "обсудить" с композитором, и лишь потом решается обратиться к нам, грешным.

В феврале Жуков играл для верных москвичей Франка, Шумана, Брамса. И, конечно, зал вновь был полон.

...Между двумя скалистыми громадами (Прелюдия, Хорал и Фуга, соч. 1884 г. — Соната № 3 фа минор, соч. 5, 1853 г.) дивной долиной залегли "Лесные сцены" (соч. 82, 1849 г.). Поздний Шуман, столь часто и легкомысленно "раздергиваемый" многими педагогами, вундеркиндами и вполне взрослыми концертантами на от-

дельные "пьески" — вот что заморозило меня совершенно. Быть может, в тот день душе потребна была именно такая густая, полная звуков и красок, прохлады и солнца тишина. Легкий аромат "Одиноких цветов", простые песни, упрятанные в узорной тени прозрачной фактуры... сколько во всем этом жизни и высшей правды! И "Вещая птица" вещала не мрачные пророчества, а славилась вечную красоту Творения.

Не знаю, так ли задумывал пианист-драматург свою программу, но я ощутил ее целостность и благотворность именно через лирику Шумана. В каждом листе, росинке, мельчайшем завитке "Лесных сцен" слышался отзвук "темы арпеджато" Прелюдии и Фуги, так неожиданно и живо напомнивший песню Чайковского "Был у Христа-младенца сад"... А в грозных теснинах Сонаты тихим дальним эхом отвечало ей Интермеццо ("Взгляд в прошлое").

Я не успел поблагодарить Игоря Жукова за высокое наслаждение. В толпе растроганных друзей и верных поклонников удалось лишь пожать ему руку. А рано утром в понедельник он улетел. В Берлин. Или к Шуману?

С. РУМЯНЦЕВ.